

П О Э З И Я

Евгений Родышевцев

ИЗ СТИХОВ ПРЕДПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Из цикла "Глухие просторы"

х х

х

Умнеет сын тяжёлого отца.
Ему претит седое постоянство.
Он смял в горсти продрогшее пространство
И девять грамм горячего свинца.

Копеечная, жалкая цена,
За жизнь, за век — отчаянная плата.
Отчизна-мать поёт псалмы, пьяна,
Творит свирель из дула автомата.

Свистит птенец метельного пера,
Колотит в дверь то крыльями, то кловом.
Как шарик ртути, прыгает "ура"
Над стадом крыш, над загородным клубом.
Клубится дым. Расходятся круги
По ржавым лужам кровного соседства
Родства и братства розового детства
С уродством рыл, с юродством людоедства,
Под топот ног, обуток в сапоги.

Мы — не враги, мы неучи удач.
Не учинить нам пьяного скандала
Ни в окруженьи загородных дач,
Ни под твоими пытками, палач,
Ни на подмостках зрительного зала.

х х

х

Завоет волк, тоскливо запоёт
Гимн ямщика — российского Гомера,
Вдали от милой родины, как тот,
Кто мир кроит, не ведая размера.

Пусть небо сыплет снежную крупу,
И санный полоз скрежета и свиста
Заносит нас на торную тропу
Замёрзшего, как пёс, контрабандиста.

Ржавеющие тернии границ
Удержат ли тоскующего сына
Крамолу проносить и падать ниц
Лицом в солому старого овина?

Здесь тишина, здесь мыши роют ход
Из времени в безвременье распада,
Где грешников и праведников ждёт
Одна и та же горькая расплата.

Куда ты рвешься, робкая душа,
Как бойкая не в меру пристяжная?
Или и впрямь пороша хороша,
И ровен путь на родину из рая?

Из цикла "Попытки портрета"

х х

х

Осенняя эпоха суматох
Застигла нашу родину врасплох.
Глухая тьма надвинута, надета
На твой портрет: на лоб, на смуту глаз,
На прядь волос, на платье без прикрас.

Ну что ж, художник был не так уж плох:
Он уловил, как вырвавшийся вздох,
Исторгнутый, отторгнутый, порхает,
И вместе ~~шним~~ с ним душа летит в тот мир,
Где солнце жжёт и пламя полыхает,
И свист, как " 0 " врывается в эфир.

х х

х

Ну что ж, замкнем свой слух и замолчим,
Затем, что не положено впустую
Переливать слова из мозга в мозг,
А в душу не проникнуть, ибо мост
Давным-давно сожжён или разрушен,
А разум слеп и глух, и равнодушен
К чужим словоизвилинам, когда
Речь не о нём, не для него, а мимо:
Не то к соседу-недругу, не то
В такие эмпиреи, что никто
Не вызовет заблудшего оттуда.

Мысль обречённая есть ложь,
 Мысль облучённая, мысль – в дрожь,
 Мысль вовлеченная со всеми,
 Кто сбил, кто сошёл с пути,
 Кто ночью, прозябая в стужу,
 Сгибаясь в три погибели пурге навстречу,
 Почти погибнув, сгинув, очутился
 В избе внезапной, скинул у порога
 С продрогших плеч плащ ветхий,
 Сдёрнув с лысой головы треух,
 Растрепанный сто тысяч раз разгневанными псами
 Предместий, зачарованных морозом,
 Навеки застрахованных от вора
 Заборами, запорами, замками,
 Задвижками... Устал перечислять.

Мысль, уличенная в разбое,
 Мысль, удрученная от подозрений,
 Мысль, отягченная пудовым грузом
 Налипших на сознание сна сугробов,
 Мысль, привлеченная врасплох для убежденья
 Двух спорящих в бесплодности их спора,
 Мысль, заключенная в глухие скобки –
 Что для неё сибирские остроги?! –
 Мысль, вовлеченная в метаморфозы
 Людей, природы,
 Мысль, облегченная, как чей-то выдох,
 Таимый в закромах груди, как зерна,
 Готовые проклюнуться наружу,
 В нетерпеливом напряженьи, в ритме
 Надежд, натянутых, как тетива пружины,
 Мысль, залученная внезапно в гости,

Как уличная шваль, шпана и шлюха,
Мысль, пойманная краем уха,
Любая мысль есть правда с ложью
В святом соитии, как в сугубом сраме,
Всех уравнивая, всех приобщив к лекалу
Изгибов духа, кривизны лукавой,
Когда всё стало всем, всё переходит
В инаковость, как блудный инок,
Покинув свою первую обитель,
Блуждает по земле, меняя
Монастыри, как Дон-Жуан перчатки
Покинутых, но соблазненных женщин.
Мысль омраченная...

х х

х

Пока пьянеет зрительская свора,
Актерствует мой разум без суфлера,
Роль затвердив, отшелушив от вздора
Анапест или ямб, иль амфибрахий,
Входя в азарт и забывая страхи.

Артист, как лотос на краю забвенья,
Качаясь, входит в роль и без зазренья
Читает вздор, зубрежку наизусть.
Над ним хохочет кто-то? Ну и пусть!
Ничем не повредишь и не поправишь
Его ошибок. Реплики не вставишь,
Лишь легкий вздох.

Когда в простенке твой портрет
Застрял вне времени и света,
С каким бы ни был он лицом,
Он — вымысел, прозрачный призрак,
Он выходец из темноты
В полуденную полутень.
И полустертые черты,
Неявственные, проступают
Сквозь блекнущую амальгаму
Дней, лучших, чем пришли потом.

Что на лице твоём простом:
Улыбка или огорченье?
Не выведать, не отличить.
За слеем слой снимая тени,
Мне с вымыслом не овладеть,
Мне домыслов не переспорить.
Что толку тыкать наугад
Перстом то в миражи-морщины,
То в родинку, то в глаз, то в бровь?
С вопросом: что здесь? почему?
Кто здесь опознан: я ли, ты ли?

Пусть время-джин храпит в бутылки
Мы с памятью поговорим.
Страхнув с примет Сахару пыли,
Барханы полустертых дней,
Что вспомним? Что? Мы всё забыли,
Всё растеряли, рассорили.
Мешок воспоминаний пуст.

Руками разведем: не знаем,
Была ли, снилась ли нам жизнь.
Портрет вверх будущим повис

Над пропастью — лихая поза
Рискующего каскадера,
Как будто мы снимаем фильм,
Но столь сюжет его неясен,
Столь страшен рок, столь путь опасен,
Что вряд ли будет в этом прок.

Лицо над пропастью пространства.

х х
 х

Бьёшь по воде раздвоенным хвостом.

Е.Ф.

Зачем-то бог так расслоил нам плоть,
Что мы двоимся, делимся, как дробь
И вместо райской жидкости и пищи
Глотаем пасмурную соль.

Е.Ф.

Туда, куда не разрешил глядеть
Ни бог, ни черт, ни женщина из пены,
Плеснет волна кристалликами соли.
Раздвоенность ужаленно вскричит
Не то от радости, не то от боли,
И вновь недоумённо замолчит.
И слёзы обреченные вскипят
В зеленоглазых омутах. Но спят
И волосы, и тоненькие руки.
И голос глух, молчанье на губах.
"Дай слово мне", — так дерево сказало,
И ангел обречённо замолчал,
Внимая звукам лиры и свирели.
Под них пел Аполлон и Пан плясал.

Где лезвие ножа?
Чем разомкнуть мне раковину слуха?
Чем вновь спаять, связать, соединить —
Не с речью речь, не музыку со словом,
А крылья, отлученные от плеч,
И плавники, и узенькие жабры,
И скрытую от зренья тень хвоста?

Дай мне плеснуть в отдушину волной,
Чтоб вспыхнул свет и встрепенулось пламя,
И в жаберных расщелинах, как вздох, —
Какой-то всплеск и всхлип... Нет, показалось.
Так иногда мерещится во тьме,
Что нас окликнул кто-нибудь.

Напрасно

Смотреть в окно и выбегать за дверь:
Нет никого. Лишь блики снегопада
Мелькают на полотнах темноты
И падают, и падают...

Их надо

Стереть бы. Чья поднимется рука?
И вот на тьме и полосы, и пятна,
И санные полозья так скрипят,
Что хочется их нам вживить обратно
В древесный ствол.

XXXXXXXX